

О некоторых моментах взаимоотношений казахов с русскими прилинейными жителями в XVIII– первой трети XIX вв. в Западном Казахстане

Түйін

Мақала Отан тарихының кейбір беймәлім тұстарын ашуға арналған және жекелеген зерттеушілердің қазақ даласындағы ресейлік отарлауға қатысты үстіртін көзқарастарына жауап ретінде жазылған. Мақалада XVIII-XIX ғ. I-ширегі аралығында Батыс Қазақстанда орын алған қазақтар мен ресейлік шеп тұрғындары арасындағы қарым-қатынастардың кейбір сәттері сипатталады. Нақты тарихи фактілерді келтіру арқылы тарих әуесқойлары арасында XIX ғ. ортасынан бастап қазіргі күнге дейін кең тараған көптеген тұжырымдардың қателігі мен біржақтылығы көрсетіледі.

Аннотация

Статья посвящена к раскрытию некоторых малоизвестных страниц истории Отечества и представляет собою ответ на некоторые ошибочные суждения отдельных исследователей по поводу российской колонизации казахских степей. В статье подробно описывается некоторые моменты взаимоотношений казахов с прилинейными жителями в период XVIII – первой трети XIX вв., происходивших в Западном Казахстане. Приведением конкретных исторических фактов, указывается ошибочность и однозначность многих предположений, распространившихся в среде любителей истории начиная с середины XIX в. вплоть до современности.

Summary

The article is devoted to the disclosure of some little known moments of Homeland's history, and provides an answer to some wrong statement of certain researches related to Russian colonization of Kazakh steppes. The article describes some aspects of interrelation between Kazakhs and the Russian population living near Kazakh-Russian border in the period of XVIII – 1-st third of XIX centuries, that took place in Western Kazakhstan. At provision of certain historical facts, it indicates the errors and unambiguousness of most assumptions that was spreaded among the amateur historians starting from the middle of XIX century up to present time.

Конечной целью империи была постепенная русификация казахов, с переходом их на оседлость, распространение среди них русской грамоты.

В последнее время все еще не утихают определенные споры и громкие суждения по поводу того или иного вопроса по истории нашего Отечества. Данный факт, казалось бы сам по себе позитивно влияет на историческую науку в целом, однако наши ожидания омрачают то, что подобные спорные дискуссии нередко возникают в среде любителей, а не в научных кругах. К сожалению, данные «любители» истории во многих актуальных вопросах во многом преуспели и даже «переплюнули» своих оппонентов – официальных историков, раздувая спорные, местами не совсем соответствующие к действительности суждения.

Один из таких исторических суждений был представлен журналом «Мысль» за июнь и июль месяцы текущего года, где автор Б. Ауельбеков предлагает читателям свою точку зрения по ряду актуальных вопросов по истории Отечества [1]. Круг вопросов представленный им являются действительно важными и частью малоизученными, поэтому стремления автора выставлять в круг читателей свои взгляды по вопросам прошлого вызвали бы только одобрения. Однако при обсуждении ряда проблем автор подвергает читателей своим необоснованным и ошибочным мнениям, и в целом выставляет на широкую аудиторию, свои не совсем широкие познания в области нашей истории. Со своей стороны мы не ставили цели, вступит в полемику с поверхностными его суждениями, намеревались ограничиться в самых общих чертах приведением ряда фактов, достаточно подтверждающих ошибочность только некоторых его взглядов. Однако ряд последующих громких высказываний автора, особенно по поводу межнациональных отношений коренного народа с соседями, бросающих тень на весь

народ, невольно вынуждают пролить свет в некоторые спорные моменты прошлого. Омрачает и то, что публикуя не совсем проверенные факты, авторитетные издания вроде вышеуказанного журнала, только вызывают недоумения и не нужные споры среди простой публики.

В своей статье «О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова» автор Б. Ауельбеков допускает ряд ошибочных мнений, особенно по поводу колонизации казахских степей Российской империей. Утверждения автора, об отсутствии российской колонизации во времена Кенесары и появлении ее только в конце XIX в. не соответствуют реальной действительности того периода, ничем необоснованны и по сути являются лишь точкой зрения самого автора. Реальная историческая картина XIX века, начиная с его 20-х гг. была такова, что Российская империя быстрыми темпами начала усиливать свое присутствие в регионе, наращивала свое влияние, устроила ряд военно-укрепленных линий – Ново-Илецкая линия (1811-1826), Новая линия (1835-1837), Акмолинско-Кокчетавская линия (1837), Сырдарьинская линия (1853-1864) и другие, не считая Уральскую, Оренбургскую, Уйскую и другие укрепленные линии, устроенные еще в XVIII в.

Утверждения автора о том, что главной задачей русских укрепленных линий была не колонизация, а охрана торговых путей указывают на неосведомленность «историка» в самых главных проблемах отечественной истории. Приведем лишь только некоторые факты.

Согласно некоторым данным, в 1825 г. число сухопутных войск России достиг 526 тыс. солдат. Почти вся территория Казахстана с запада на восток охватывалась непрерывной цепью военных линий с крепостями, фортами, форпостами, редутами, кордонами и пикетами [2, с. 305]. Уральская линия пролегла из Гурьева до Илецкой Защиты и в начале XIX в. состояла из 4 городков, 5 крепостей и 19 форпостов, в них в боевой готовности состояли 30 тыс. казаков регулярной армии, в середине указанного века вместе с семьями их число достигло 77 тыс. человек. Оренбургская пограничная линия, являвшаяся одной из самой сильной состояла из Верхнеяицкой и Уйской линий. В первом из них было 9 крепостей, 16 редута, в Уйской линии соответственно 8 крепостей и 9 редутов. По данным известного русского военного исследователя конца XIX в. М. Терентьева Оренбургская линия состояла из 23 крепостей и 27 редутов [3, с. 74]. Отдельный корпус Оренбургского казачьего войска состояла из 10 линейных батальонов. Ново-Илецкая линия состояла из 6 форпостов, 1 редута и 1 крепости. Новая линия была продолжением Оренбургской линии с длиной 478 верст и состояла из 5 крепостей. На этих линиях были установлены специальные артиллерийские бригады с боевыми единицами в общей сложности состоявших из 184 пушек. В одной только городской крепости г. Оренбурга было установлено 70 пушек направленных на казахскую степь [4, с. 114].

Все указанные факты свидетельствуют отнюдь не о защите караванных путей, как утверждает автор, цели были совсем другими. К тому же, только при устройстве Ново-Илецкой линии поводом для охранения Илецкой Защиты в собственность казаков было отрезано 600 тыс. десятин лучших казахских земель. Поэтому веские и прямолинейные утверждения автора о том, что создание военных укреплений «никак не может расцениваться как колониальный захват Казахстана» так же никак не соответствуют к исторической реальности.

В 1822 г. Россия Уставом о «Сибирских киргизах» вовсе упразднила ханскую власть в Среднем жузе. Направленное ослабление ханской власти в степи, путем различных интриг и утверждений марионеточных правителей, а затем и сама ликвидация ханской власти являлась заранее спланированным действием российских властей.

Упразднение ханской власти в Младшем жузе в 1824 г. также подчеркивало колониальные амбиции империи. В этом регионе царская Россия еще с конца XVIII в. стала активно вмешиваться во внутренние дела казахов, с уклоном на их ослабление и политическую раздробленность, не пустила сильных и достойных кандидатов к власти. Поддержка слабых и безвольных правителей, преднамеренное ослабление официальной власти привело к масштабному политическому кризису в Младшем жузе. В последствии чего появились признаки анархии, из-за недееспособности утвержденных марионеточных правителей происходили массовые беспорядки и междоусобицы между родами, от внутренних неурядиц народ обессилел до того, что в поисках выживания стали переходить в казачие сословия и башкирские кантоны, принимая при этом христианскую религию. Кстати, христианизация казахских общин приветствовалась царскими властями. Хотя об этом открыто

не выражалась, христианизация также являлась одним из негласных пунктов колонизации степных народов. Позже, по Новому положению 1868 г. казахам принявших христианство разрешалось льготное право проживания в русских селениях.

Ликвидация ханской власти в Младшем жузе была рассчитана в том же 1822 г. вместе со Средним жузом. Однако из-за всенародного движения, вследствие дерзких набегов на русские укрепленные линии отрядов Жоламана, требовавших возврата захваченных казахских земель и сильного правителя Арынгазы, в Петербурге не решились отменить ханскую власть в этом и без того беспокойном регионе. По четко выработанному плану, дело колонизации должно было идти гладко, постепенно и без лишних эксцессов.

По колонизации Казахстана и Средней Азии, Российская империя ставила перед собой стратегические планы, рассчитанные на не одно поколение. Конечной целью империи была постепенная русификация казахов, с переходом их на оседлость, распространение среди них русской грамоты. Нет необходимости подробно останавливаться на все факты колонизации. Русские исследователи XIX в. не раз подчеркивали о необходимости быстрее колонизации казахских степей, некоторые авторы напрямую указывали о том, что «киргиз-кайсацкий народ рано или поздно должен слиться с великорусским народом». Такие высказывания в царских документах XIX в. встречаются нередко.

В середине XIX в. Россия вступила в конкурентные войны с Англией за сферу своего влияния в Средней Азии и Синьцзяне. В результате царская администрация быстрыми темпами проникла в Южный Казахстан и Семиречье. Реформы 1867-1868 гг. явно подчеркивали колониальный контекст. Один только факт перехода всех казахских земель в собственность государства, рассеивает всякие мысли об отсутствии колонизации. По «Новому положению» все высшие административные должности в казахских степях были оставлены за царскими чиновниками.

Отмеченный автором факт малочисленности неказахского населения и в связи с этим о неспособности их колонизировать всю казахскую степь также является не совсем правдоподобным. В середине XIX в. численность русских действительно была незначительной, но это никак не значило об отсутствии той же самой колонизации. Вся политическо-административная власть была сосредоточена в руках царских чиновников.

Мы в самых общих чертах указали ряд фактов достаточно подтверждающих колониальную политику царской империи в XIX веке. Вызывают споры и другие утверждения автора, например его мысль о «поверхностности» казахов как мусульман. Это довольно часто распространенное мнение среди зарубежных, особенно у русских авторов XIX в., но оно не всегда отражало реальную картину того времени. Были региональные и другие особенности, уровень распространения ислама и мусульманской грамоты была не везде одинаковой. Однако, казахи всегда чтили и крепко держались канонов ислама, с примесью своих древних культовых традиций. Приведение фактов о духовных делах казахов, о мечетях и медресе в степи, о паломничестве здесь излишни. Достаточно и одного, главным поводом крупного восстания в 1869 г. в Западном Казахстане и откочевания десятки тысяч семейств от российской линии к пределам Хивы послужили слухи об отмене мусульманской религии, и поголовной христианизации казахов [5, л. 3; 6, л. 18].

Преобладающий ряд ошибочных суждений автора касаются восстания Кенесары. По его заявлению, основная цель Кенесары – вовсе не борьба против колониальной политики России, а освобождение казахов от кокандской зависимости. Хотя разногласия и личная вражда с кокандцами у Кенесары имелись, но перенаправить его многолетнюю борьбу в совсем другое русло – на такие «революции» в истории способны только ее любители. Даже специалисты с многолетним стажем в определенной области не всегда решались бы на такие «открытия» и «сенсационные» заявления. Приведенное автором мнение, о враждебности к Кенесары вместе с Кокандом и Бухары не совсем отражают реальную картину прошлого. Кенесары был в довольно дружелюбных отношениях с Бухарой. Он даже вступил родственные отношения с эмиром Бухары.

Описывая о деятельности Кенесары автор во многих местах сам же себе противоречит. По его словам, Кенесары не преследовал цели освободительной борьбы против России, но в своих письмах ставил ультиматум – «требовал признания Россией независимости Казахстана и ее невмешательства во внутренние казахские дела». В одних местах участники восстания называются повстанцами, при этом отрицается сам факт национально-освободительного движения. Исследования и дискуссии о восстании Кенесары имеют давние традиции,

уходящими в глубь еще в советские времена, в период независимости данная тема была доработана и углублена множеством новых исследований. Поэтому нам кажутся излишними вступать в полемику с дилетантскими подходами автора по поводу данного известного восстания, вместо этого мы хотели бы поглубже рассмотреть некоторые малоизвестные фрагменты нашей истории, аргументируемых Ауельбековым в несколько иной форме.

Наряду с другими громкими, частью поверхностными и спорными вопросами автор поднимает сложнейшую проблему – проблему взаимоотношения казахов с соседними народами, а именно об их бесконечных нападениях и притеснениях над прилинейными жителями. Якобы за это казахов ненавидели чуть ли не все соседние с ними народы. Автор даже допускает высказывания вроде того, как «казахов все дружно не любили», «за что их было любить», «казахи соседям житья не давали» и т.д. Однако, поднимая этот вопрос, он ссылается только на художественную литературу, а именно на рассказ известного русского писателя конца XIX – начала XX в. В.Г. Короленко. Подобные громкие суждения автора Ауельбекова не оставили бы равнодушными не только историков, но и многих рядовых читателей. Задумавшись над такими предположениями автора статьи, ниже мы попытаемся по возможности представить свою точку зрения по данному сложному вопросу.

Автор бесспорно затрагивает одну из сложнейших и как он сам выражается «табуированных» тем, и мы в свою очередь не намерены во что бы то ни стало однозначно и голословно защищать интересы одного из сторон. В некоторых моментах он действительно прав, казахи, согласно некоторым утверждениям не всегда были преследуемы соседними народами, временами они сами нередко нападали на их селения. Но здесь имеются ряд нюансов. Во-первых, если всмотреться глубже к истории, не считая прежних столетий, казахи и в период XVIII – начала XIX вв. были одними из последних в Великой степи многочисленным, степным, кочевым народом, и соответственно прямыми продолжателями тех давних традиций своих далеких предков – гуннов, тюрков, авар, огузов, кыпчаков, ордынских народов и других. Например, Абулхаир, неоднократно ходивший походом за Волгу вплоть до Казанской губернии и громивший калмыцкие и русские селения непременно являлся продолжателем вековых традиций ордынских ханов. Именно в период Абулхаира казахско-русские отношения переходят в следующий этап, включая в себя множество судьбоносных и местами драматичных моментов. Замеченные автором набеги казахов на российские селения начинаются во время правления означенного правителя. Однако, на то были веские причины и выводить в свет казахов «грабителями» и «пленителями» однозначно нельзя.

Во-вторых, во взаимоотношениях между прилинейными жителями и казахами в XVIII-XIX вв. устанавливалась своеобразная мозаика. Как были указаны выше, уже к XVIII в. почти вся казахская степь с северной части была окружена российскими военными укрепленными линиями. Такое соседство, тем более с грозной военной силой не могло не настораживать казахов. Были свежи еще в памяти грабительские, бесчеловечно жестокие набеги яицких казаков, которые еще 1580-1582 гг. беспощадно сравнили с землей Сарайчик, почитавшийся в степи не только цветущим городом, но и святым местом захоронения многих степных правителей и мусульманских богословов. Дикий вандализм казаков, вырывавших и осквернявших из вековых могил даже останки бывших деятелей, наводили ужасы и одновременно ненависть среди степных жителей. Грабительские действия Ермака на северо-восточных регионах также оставили неприятный осадок среди кочевников. Здесь подробно описывать события тех времен нет необходимости, к тому же полностью восстановить картину прошлого невозможно, но смело можно утверждать, что своеобразный баланс и тишину в степях первыми нарушили военные укрепления.

Отмеченный автором набеги казахов на русские и другие селения начались главным образом в Западном Казахстане с начала XVIII в. и с перерывами продолжались до 30-40 гг. XIX в. Множество предыдущих набегов казахов возникали в результате двусторонних конфликтов с калмыками, башкирами, в которые обычно вмешивались приграничные начальства. Политика натравливания друг на друга указанных народов способствовала к росту недовольства. Особенно во время правления Оренбургской губернией генерала Неплюева окончательно была засеяна вражда между казахами и башкирами. Последние, неоднократно отчаянно выступавшие против колониальной политики царизма, при их подавлении всегда находили приют и защиту у казахов, которые во время восстаний всегда сочувствовали им. После целенаправленного разжигания у них конфликта царской администрацией, башкиры оставались без надежного тыла и поддержки, вынуждены были навсегда оставить мысли о

новых восстаниях. Оставшись без надежного тыла, часть башкир постепенно переходят в казачьи сословия и начиная с этого времени (середина XVIII в.) от верных союзников казахов превращаются в непримиримых врагов к ним и в последующих антиколониальных восстаниях уже казахов они всегда выступают в составе царских карательных отрядов. Здесь излишни полные высказывания историков XIX в. Левшина, Витевского по этому поводу, которые однозначно приветствовали действия Неплюева, который по их словам «жертвуя башкир», «сэкономили русскую кровь и русские деньги» [7, с. 233; 8, с. 875]. В документах тех лет четко выражены цели и задачи политики в отношении степных народов.

В 1744 г. Неплюев в своем «Запасном плане» предложенного к Сенату, предлагал для умирения и быстрого подчинения казахов разместить на границе огромные войска, сосредоточенных в пяти пунктах [9, с. 75]. В 1747 г. он предлагает «*дать волю волжским калмыкам, яицким казакам, башкирам, мещерякам и другим с Сибирской стороны иноверцам и русским чинить*» над казахами «поиски», то есть открыто нападать [9, с. 181; 10, с. 341]. В том же году Неплюев просит разрешения силами яицких казаков один или два улуса казахов Младшего жуза «*вырубить до самого младенца*» [11, с. 279]. Здесь также не ставим цели привести все факты тех лет, в отношении казахов были использованы всевозможные интриги. В ответ на политику царизма в 1746-1747 гг. казахи через Каспийский лед организовали несколько крупных нападений на калмыцкие и русские селения, где действительно уводили в плен множество людей и скота.

Военные укрепления, устроенные на приграничных к казахским кочевьям землях создавали массу нерешимых проблем местному населению. В Западном Казахстане обычный перепуск скота и людей через Урал сопровождался постоянными поборами, унижениями и угрозами со стороны яицких казаков. После смерти Абулхаира, произошедшего в результате тайных интриг царских властей, который своим бурным характером кое-как сдерживал всевозможные их козни, нападки и притеснения со стороны пограничного начальства усиливаются все больше. Отчаявшиеся от постоянных давлений пограничной администрации и притесненные в свободных кочевьях казахи Младшего жуза в целях порвать все отношения с Россией, в 1750-1760 гг. несколько раз подумывают об откочевке вдаль степей, оставив свои исконные земли. Имеются достоверные сведения о намерениях казахов навсегда уйти на Кубань, к родственным ногайцам или на восток, в освобожденные от джунгар территории, а также за Сырдарью. Раздраженный политикой пограничного начальства Нуралы хан приказывает казахам откочевать подальше от русской границы и даже предполагает сделать нападения на русские линии. Вполне уместны здесь его слова произнесенные им к царскому агенту и переводчику Гуляеву: «*...Русские хотят поступит с нами, как с калмыками и башкирами, но мы лучше согласимся умереть, чем жить под тяжким игом...*» [8, с. 790; 12, с. 105]. Однако бывший бессильным бороться с пограничной администрацией впоследствии и Нуралы хан, по ряду обстоятельств становится орудием в руках царских чиновников.

В результате различных социально-политических разногласий казахи в 1765-1766 гг. несколько раз организовали нападения на калмыков и военные форпосты. В 1765 г. в казахскую степь была отправлена большая карательная экспедиция, которая без разбора резала и виновных и невиновных аулов. Последствия его были таковыми, что отчаявшиеся казахи еще раз настраиваются на решительный шаг – навсегда покинуть пределы Западного Казахстана и уйти в Джунгарию [12, с. 144]. Стоит отметить, что материалы таких экспедиций тщательно скрывались, архивные данные тех лет состоят только из данных о нападениях казахов или из показаний освобожденных от плена российских подданных. Поэтому, на первый взгляд кажется что казахи не давали покоя к «мирным» крепостям и форпостам.

В 1773-1774 гг. во время восстания Пугачева казахи, до сих пор не забывшие резню десятилетней давности собравшись огромными отрядами, организуют ряд нападения на российские линии. Во время пятимесячной осады Пугачевым Оренбурга, казахи воспользовавшись ослаблением укрепленных линий переходят во внутрь империи в Новоузенский, Казанский уезды Самарской губернии, даже переправившись за Волгу вплотную приближаются к Царицыну (соврем. Волгоград) и угрожают осадой. Астраханский губернатор Кречетников был вынужден для защиты города срочно вызывать дополнительно 1 тыс. донских казаков [13, с. 50].

Отмеченные автором Ауельбековым прорывы казахов за Волгу происходили именно в те годы. Казахи на самом деле уничтожили ряд селений, увозили около 3 тыс. пленников и по словам русских исследователей Добросмыслова, Рязанова их набеги в те годы отличались

особой отчаянностью и дерзостью. В русских архивных источниках события тех времен отражены как великим бедствием, «нашествием бусурман над христианским миром». В этих, по сути грабительских походах участвовали почти все народы и сословия Волго-Уральского междуречья – башкиры, мещеряки, тептяри и другие. Многие пленники были проданы в рабство в Хиву. Однако военные команды отправленные вслед для освобождения пленных, как и в прежние годы жестоко расправились с казахскими аулами без всякого разбора. Официальные документы отсутствуют, известно только то, что были освобождены около 300 пленников. Карательные меры царизма еще больше вызвали протесты и недовольство казахов. В целом, во время пугачевского восстания казахи активно поддерживали мятежников, нападали и держали под контролем крепости Красногорская, Ильинская, Губерлинская и другие. Их нападения носили ответный характер к давлению со стороны царской администрации и обычно сопровождалась увозом пленников.

Все события XVIII в. по поводу взаимоотношений казахов с прилинейным населением воспроизвести невозможно. Было много разногласий, несправедливости и ненависти, причиной многих бед являлось преднамеренное ослабление ханской власти, привлекавшей к повсеместной анархии в степи. Восставшие в 1783-1797 гг. против марионеточного хана и царских чиновников казахские ополчения в течении ряда лет совершали также множество нападений на русские линии. В 1785 г. выехавшая в казахскую степь воинская команда генерал-майора Смирнова в составе из 237 казаков и 2432 башкир грабила мирные казахские аулы, захватив в плен 66 человек, из которых только 13 составили мужчин, остальные были женщины и дети. Кстати, автору статьи Ауельбекову до сих пор остались «непонятными, за что и против чего» было направлено восстание Сырыма Датулы. Выходит, по его мнению, восставшие целых 14 лет не знали за что боролись, зато становится ясным уровень исторического знания «знатока» освободительных движений.

В конце XVIII – начале XIX в. в приуральской части Казахстана давление со стороны воинских частей выросло настолько, что местное население от отчаяния и ненависти часто прибегали к решающим мерам. Набеги на русскую линию и грабежи торговых караванов становится обыденным делом. На эти события, происходившие в Западном Казахстане обращает внимание и сам император Александр I, который кстати справедливо винил в этом деле и русских пограничных начальников, которые по его словам: «...ради корысти и из ожидания награды за мнимые подвиги нередко покушались с командами на действие против киргиз без всякого повода» [12, с. 239; 14, с. 20]. Множество самовольных, неправомερных действий пограничного начальства отражены в письмах и просьбах казахских биев и старшин. Приведение всех фактов и деталей в одной статье невозможно, тем более множество деяния карательных отрядов были тщательно засекречены. Несведущему человеку на первый взгляд данные события могут показаться в одних тонах.

Несмотря на краткий экскурс в XVIII век, указанный автором Ауельбековым в его статье массовые «набеги, грабежи» казахов в целом относятся к 20-годам XIX века. Единственный литературный источник на который ссылается автор, известный русский писатель В.Г. Короленко записывал уже устаревшие события примерно в 1900 г. и отраженные действия действительно имели место в 20-х годах XIX в. в том же многострадальном Западном Казахстане. Особые отношения с российской стороной, нередко сопровождавшиеся кровопролитными стычками происходили именно в этом регионе. Младший жуз, отличавшийся своим бурным характером, к тому же глубоко увязший в политическом и экономическом кризисе, как указано выше десятилетиями сотрясал оренбургское начальство. Об этом в свое время доложил в Сенат еще Неплюев, отмечавший что все сопротивления исходят «от одних бездельников Меньшей Орды, ибо от Средней, который кочует к сибирской стороне никаких продерзостей не бывало и нет» [10, с. 344].

В первые десятилетия XIX в. в приграничных с Россией районах Западного Казахстана сложилась такая обстановка, что мелкие нападения и захват в плен русских людей приобретает массовый характер. Захват российских подданных с последующей их отправкой в рабство в Хиву на некоторое время становится основным занятием определенных групп местного населения. Чуть позже одиночные вылазки в российскую сторону превращаются в крупное антиколониальное восстание, с сопровождением организованных нападений в казачьи форпосты и редуты, с увлечением в плен людей. Однако, в отличие от суждений автора, эти действия оправдывались вескими причинами. Причиной к тому было создание начиная с 1811 г. для защиты Илецкого соляного промысла укрепленной Ново-Илецкой линии

(1811-1826), а также бескомпромиссные действия Яицкого казачьего войска, самовольно захватившего в том же 1811 г. междуречье Большого и Малого Узеня. В 1819 г. указом императора земли между Уралом и Илеком полностью передается в Илецкое соляное правление, начинается строительство новых форпостов, тем самым лишив местное население лучших пастбищных мест. Казахам запрещалось даже приближаться к реке Илек на 15 верстное расстояние (16 км). В результате казахские общины были вытеснены с исконных населенных мест, что привело к началу вооруженного восстания под руководством Жоламана Тленшиева (1822-1825, 1835-1840).

В указанное время, в период 1819-1825 гг. на российскую сторону были совершены сотни нападения, соответственно с увозом в плен сотни людей разных возрастов и категории. Но это отнюдь не являлись бессистемными нападками со стороны казахов, а заранее подготовленными действиями. Восставшие под начальством своих старейшин и батыров тщательно готовили каждый свой шаг. Они открыто заявляли о своих намерениях к прибывшим к ним посланникам Оренбургского начальства: «...*Объявляли свое намерение, что в наступающее лето будут повсюду наносить возможный вред России, опустошив границы пожарами, грабежами и увлечением в неволю наших подданных, **в отмщение за отнятие у них Илека*** и не дозволении приближаться к линии на 15-ти верстное расстояние...*» [15, лл. 34-35].

Известнейший потомственный бий родоначальник и отважный батыр Жоламан Тленшиев открыто объявил свои действия освободительной войной против России. В российских архивах и ЦГА РК сохранились сотни документов характеризующих истинную суть открытых нападений на русские линии. Казахские бии и старшины отправляли в Оренбургское начальство немало писем с просьбами возратить им кочевья своих предков и решить вопрос миром [16, л. 49; 17, лл. 13-18; 25, сс. 430-435]. После открытого игнорирования начальством края нападения и пленения людей происходили регулярно. К открытым нападениям подверглись все 6 форпостов Новоилецкой линии, некоторые были сожжены. Это были не грабительские походы, каковыми кажутся автору, казахские сарбазы шли на штурм русских форпостов со знаменами, с боевыми кличами, на честный бой за землю своих предков. Например, на осаду форпоста Ветлянского казахи ходили с пятью знаменами, с «сильным криком, визгом и выстрелами». По источникам, при нападений казахские сарбазы «*форпоста Ветлянского начальнику хорунжему Печенкину при нападении угрожали, припоминали, что **собьют русских с своего Илека** и выжгут форпост...*» [18, л. 1].

Несмотря на угрозы и нападения, восставшие всегда до последнего стремились к мирному решению вопроса. По источникам, почти перед каждым боем они отправляли гонцов на мирные переговоры со своими просьбами и только затем вступали в бой. Об этом также свидетельствует донесение начальника Оренбургской таможни к Внешнему торговому департаменту, где четко отмечается позиция казахов: «...**что они никогда бы не решились делать вреда русским, если бы от них не видали притеснений...**» [25, с. 412]. О встрече русских военных отрядов в степи местных переговорщиков указывает и военный исследователь генерал Бларамберг, высказывания которого приводятся ниже. Главной целью казахских ополчений нападавших на русские линии были уничтожение новых строений созданные на их земле, при этом они часто сопровождалась захватом пленников. Например, плененный при осаде форпоста Сухореченский (1822) казак Сорокин после побега в 1824 г. в своем показании указал о почтении восставшими своих главных целей, нежели пленение людей: «...*говорят, что **пленники весь так им ненужен, как означенный повелитель им необходим...***» [19, лл. 47-48]. Речь шла об Арынгазы султана, которого в степи боготворили. Данные факты точно определяют отношения казахов к российской стороне в годы противостояния.

Однако как было указано выше, в период противостояния на Илеке почти каждое крупное нападение или мелкие вылазки за кордон заканчивались взятием в плен русских людей. Появляются даже особые группировки вооруженных людей, которые на фоне общего восстания занимались только захватом российских подданных, для последующего обмена на своих однородцев содержащихся в заложниках в русских крепостях или на продажу в Хиву. Оренбургскому начальству были лично известны имена даже некоторых людей, особо отличившихся дерзкими захватами своих подчиненных. На них был объявлен особый розыск. Если признаться, то действительно в 1820-1825 гг. пленение русских людей достигло особо крупных размеров. Каждый пленник играл роль живого товара, его можно было обменять на

своих родственников, задержанных при границе, отдавать за выкуп, продать, некоторые люди даже выдавали русских пленников вместе с калымом за сватанную невесту или включали в приданое при выдаче дочерей замуж. В период противостояния с пограничным начальством, пленники составляли основную часть военной добычи и приносили неплохой доход к их владельцам. После удачного набега их увозили далеко за линию, в дальние аулы и делили между собой. Один русский пленник оценивался в пределах 100-350 баранов, а в Хивинском ханстве русские пленники ценились вдвое дороже персидских и за них выдавали до 300 золотых монет. К тому же основным покупателем выступал сам хивинский хан.

В середине 30-х годов XIX в. число русских пленников в Хиве достигало до 3000 человек. Среди них встречались и те которые находились в плену в течении 30-40 и даже 55 лет [20]. Немалую часть пленников составляли добровольно бежавшие от несения суровой казачьей службы солдаты. При попытке возвращать на родину своих подданных российской стороной нередко бывали случаи, когда пленники сами отказывались покинуть Хиву. По некоторым сведениям, хивинцы хорошо обращались с русскими пленниками, уважали религию и не запрещали нести религиозные обряды [21]. В ЦГА РК имеются сотни документов о пленениях и освобождениях людей разных сословий. Очень много документов о добровольных побегах солдат в казахскую степь и даже в сторону Хивы. Большую часть русских пленников доставляли казахи адаевского рода и туркмены, но их действия вдалеке от линии против российских рыболовных судн и связанные с этим карательные меры правительства являются темой отдельного исследования.

Таким образом, указанные автором вышеназванной статьи «грабежи и пленения» на русских линиях действительно имели место и несомненно принесли много бед и страданий рядовым жителям казачье-русских селений. Но возникли они не на пустом месте. Главной причиной всех бед была – колониальная политика Российской империи. Россия к тому времени победивший армию Наполеона строила далеко идущие имперские планы. Как указано выше, колонизация Казахстана и Средней Азии была рассчитана не на одно поколение. В осуществлении данной миссии Россия жертвовала многим, колонизация требовала определенных затрат и тонкая политика царизма нередко допускала такие жертвы, важнее было достижение конечного результата. Комментарий к суждениям автора о том, что Россия была не агрессивной, а «всего лишь» обороняющейся стороной, о создании Астраханской, Уральской, Оренбургской, Сибирской, Семиреченской казачьих войск и вообще всех укрепленных линий только лишь для защиты от казахов, излишни.

Мы признательны автору в том, что он на самом деле поднимает особо актуальные и малоизвестные страницы нашей истории. Межнациональные отношения XVIII-XIX вв. – особый раздел отечественной истории и здесь не уместны громкие однозначные высказывания вроде «казахов все дружно не любили» и «за что их было любить», «казахи соседям житья не давали» и т.д. Они крайне тенденциозны, не совсем обоснованы и никак не раскрывают реальную историческую картину прошлого. Взаимоотношения казахов с соседними народами сложились неоднозначно, как было отмечено, между ними устанавливалась своеобразная картина, наполненная разными событиями, выраставших из различных социально-политических причин.

При утверждении своих взглядов по поводу межнациональных отношении автор Ауельбеков ссылается лишь на один источник, и то в художественное произведение, где писатель мог свободно менять и персонажей и события. Литературные произведения в силу своих возможностей не всегда могут считаться достоверным источником, скорее они являются альтернативой к основным историческим документам. При обсуждении важнейших проблем, каковыми являются межнациональные отношения, ссылаться и тем более делать громкие заявления только на одном рассказе писателя Короленко, к тому же не очевидца тех событий, явно не достаточно. Нужно было поднимать сотни архивных документов или по крайней мере ссылаться на работы военных исследователей как Бларамберг, Терентьев, Генс, Стариков и др.

В XIX веке, в русской литературе все больше распространялись темы в той или иной мере связанные с новыми колониальными завоеваниями России. Наблюдался заметный интерес к новым землям, народам, традициям. Особой популярностью пользовался Кавказ, к его завоеванию и отношениям с горцами были посвящены целые романы и баллады, с участием многих известных писателей. Среди них были написанные в 20-30-х гг. XIX в. поэма «Кавказский пленник» Пушкина, роман «Герой нашего времени» Лермонтова и цикл рассказов

о Кавказе Л.Н. Толстого, среди которых был также «Кавказский пленник» и роман «Хаджи-Мурат», написанные позднее. Они являлись яркой классикой в те же времена. Тема Кавказа была занята и уже описана указанными грандами, в кругах писателей, а также исследователей-публицистов наблюдаются поиски новых неизведанных тем. Скорее всего, по величине границы и по ряду причин, этой темой впоследствии стала казахская степь и расположенная за нею Хива. Приезд Пушкина в казахскую степь в 1833 г. ознаменовался именно этим интересом. Поэта интересовали обычаи и быт казахов, особенно их участие в пугачевском восстании. Внезапная его смерть не позволила ему завершить задуманное.

Зато появляется целая «плеяда» писателей и исследователей-публицистов, старавшихся изложить обыденный быт казахов и их взаимоотношения с соседями. В их произведениях наблюдаются некие подражания к указанным классикам, хотя в литературном плане довольно интересны, но в изложении исторических событий они частью далеки от действительности. Главными причинами отклонений от исторических реалии становятся попытки авторов придавать своим произведениям все больше художественности, украшать красивыми, но вымышленными историями, добавлять местами лирические, драматические моменты, в целом все признаки художественного стиля. Грешили добавлением выдуманных истории даже некоторые военные исследователи, которые десятилетиями позже при описании минувших исторических событий, из-за лирических отступлений допускали множество нелепых ошибок.

Для указания несостоятельности многих исторических записок самих военных исследователей, приведем лишь некоторые примеры. Например, служивший в штабе Оренбургского казачьего войска подполковник С.Н. Севастьянов (1863-1907), являвшийся к тому же разработчиком истории Оренбургского казачества, в своих исторических очерках, при описании событий связанных с пленениями людей на линии допускает ряд грубых ошибок. Он описывает на свой взгляд некоторые подробности пленения казахами есаула И.В. Подурова. Это событие действительно имело место в 1823 г. со стороны восставших казахов и в свое время являлось довольно громким событием. Автор, хоть и указывает о ссылке его на рукопись Г.Ф. Генса, но его повествования местами совершенно далеки от истины. Даже громкое его название «Киргизский пленник» говорит сам за себя. Стиль изложения событий никак не совмещается в рамках исторического очерка. Автор описывает это громкое событие через столько лет как очевидец и при этом бросается в глаза его художественный стиль: *«...Утро было чудесное, легкий степной воздух оживлял. Иван Васильевич чувствовал себя бодро, время от времени зорко всматривался в даль. Кругом было спокойно и тихо; высоко в небе, как черная точка парил беркут, не умолкая стрекотали кузнечики, и своеобразно посвистывали суслики, с любопытством подглядывая у своих норок на проезжающих...»* [22, с. 3].

Однако это всего лишь безобидное начало. Далее Севастьянов плавно переходит от лирических вступлений к описанию событий в своем видении. К примеру, он пишет, что казахи до этого случая якобы схватили другого есаула Гришечкина с матерью и другими женщинами, привязали его к деревьям и для потехи стрелами нанесли ему около 80-ти ран. Затем его мать будто бы оставленная без внимания нападавших отвязала других женщин и сняла тело «мученика-сына». Автор, правда указал, что случай этот записан по преданию, но заметны следы попытки драматизировать событие. Случай не сходится к истине по нескольким частям. Во-первых, в указанное время прилинейные казахи, организовавшие вооруженное восстание уже тогда почти не применяли лук и стрелы. Главное их вооружение состояли из ружей и пик, а также боевых топоров. Это свидетельствуется многочисленными архивными документами, источниками которых являлись в основном сами казачьи офицеры. Во-вторых, ни в одном из документов не встречаются случаи истязания пленников, их убивали только при их яростном сопротивлении. К тому же, пленники какого бы они пола и возраста не были, нужны были живыми. Достоверность числа пленников, приведенные Севастьяновым за указанный период 1818-1829 гг. в количестве 443 человек, из которых показаны выреченными 211, убитыми 106, утверждать сложно. Как мы уже указали их число было немалым, но приведение точных цифр крайне затруднителен. По Севастьянову, начиная с 1758 по 1832 гг. всего захвачено в плен 3497 человек, выкуплены – 1154, остались в плену – 2827, убиты – 192. При этом он выводит число общих погибших цифрой 3019, то есть оставшихся в плену исследователь автоматически причисляет к убитым. Разумеется,

оставшиеся в плену люди считались для России потерянными, но отнюдь не убитыми, и в Хиве они жили своей жизнью, заводили семьи, некоторые даже делали кое-какое состояние.

В очерке встречаются множество неверных сведений, противоречащих к данным официальных документов. Мы не ставим цели указать все мелкие подробности, но вынуждены отметить, что подобные сведения оставляют читателям мнимые впечатления, как в случае с рассказом Короленко. Например, Севастьянов без никаких оснований называет Жоламана самовольно утвердившимся ханом, хотя в сохранившихся в несметных документах такое нигде не встречается и сам он в своих многочисленных письмах ни разу себя таковым не указывал. Далее автор переходит за рамки даже дозволенного воображения, правда ссылаясь при этом на «сообщение» другого военного деятеля И.В. Чернова – генерал-майора Оренбургского казачьего войска. Якобы Подуров в поношенной «киргизской» одежде пас «ханских баранов», но и в этом наряде «*обратил на себя внимание юной дочери хана*», т.е. Жоламана. Она будто бы украдкой пробиралась к нему, передавала новости касающихся пленников, угощала лепешками собственного приготовления и «*старалась вообще разогнать его грусть*». Даже предлагала бежать из аула, обещав достать самого лучшего коня. Когда Жоламан освободил Подурова, «*ей тяжело было расставаться с любимым человеком (!)*». На прощание Подуров «*крепко поцеловал молодую киргизку*», т.е. дочь самого Жоламана (!). По сравнению с традиционно нелестными отзывами о восставших казахах и всяческих похвалах казаков, данный сюжет в очерке не требует к себе каких-либо комментариев. Он банально повторяет мотивы Пушкина и Лермонтова и многих лирических рассказов, где обычно дочери правителей влюбляются в чужеземных пленников или в простых странствующих людей.

Судя по оставленным записям, Севастьянов по отношению к казахам явно тенденциозен. В своем другом кратком очерке, вышедшего в 1898 г. в Оренбурге к столетию со дня рождения того же Подурова, он в кратком изложении истории пленения опять-же допускает грубые неточности. Кратко упоминая о смерти урядника Плешкова, включенного в состав большой делегации для освобождения Подурова, автор также прибегает к эмоциям. По его словам урядник «*был изрублен в куски киргизами*». Но этого автору кажется слишком мягким и неинтересным, и он добавляет: «*По преданию, несчастного предварительно окунули в котел с кипящей водой*» [23, с. 3]. Выходит, страшные предания об освободительной войне казахов в 20-е гг. XIX в. не давали покоя многим военным «исследователям» вплоть до начала XX в.

Если дать историческую справку, то при нахождении в степях урядник Плешков был действительно убит казахами, но не без помощи некоторых членов той же делегации. По достоверным архивным источникам, его смерти активно содействовал один из главных фигурантов в составе делегации, канцелярский служащий Оренбургской пограничной администрации, хорунжий Биккинин. По неизвестным нам тайным интригам между ним и Плешковым, он добивается смерти своего оппонента руками повстанцев, при этом ему помогают и некоторые казахские султаны из состава той же делегации. По одной из версий, между ними устанавливалась вражда и некая конкуренция за освобождение означенного Подурова, урядник якобы хотел самолично вывезти есаула [26; 27]. Однако нас интересуют вышеуказанное описание смерти урядника Севастьяновым. Здесь автор явно превысил свои писательские воображения. В результате тайного заговора против Плешкова, приговор над ним исполнили родные братья из рода Кадырбек Табын по именам Айтлес и Байтлес, за отместку их родного брата убитого в нападении на один из русских форпостов. Тем самым, они совершили т.н. «кровную месть», но источники не сообщают о виде смерти. Указанные Севастьяновым подробности, не более чем чистейшая выдумка, автор сам указывает о ссылке его на некие предания.

Со своей стороны мы также не ставили цели анализировать записки Севастьянова. Но такие изложения заблуждают ряд современных читателей, вызывая неоднозначные реакции. В них множество искажений и неточностей, хотя общая суть истории пленения верна. Автору этих строк исследовавшему события, связанных с освободительным движением казахов, по архивным источникам довольно хорошо известны многие детали казахско-русских отношений первой трети XIX в., включая инцидент с пленением названного Подурова.

В другой новелле, автор которой А. Крюков, выполнявший во время создания Ново-Илецкой линии поручения связанные с пролеганием дорог, также описывается случай нападения на них большого ополчения казахов. Называется она «Киргизский набег» и излагая

его автор изначально жалеет, что «не умеет писать поэм», а приключение случившийся с ним «достойное занять несколько строк в какой-нибудь Байроно-романтической поэме» [24].

Краткая суть рассказа следующая, во время привала на их обоз около 20 человек казаков и рабочих вначале нападают девять вооруженных казахов «...с пронзительным криком, девять наездников, на лошадях, черных, как вороново крыло, в остроконечных белых колпаках, неслись на нас с быстротою буйного вихря, неслись, испуская ужасные вопли и грозно потрясая своими длинными, зыбкими пиками». Переборов первичный страх казаки делают отпор и тогда на горизонте появляется другая густая толпа казахов, с двух сторон еще две толпы гуще первой. Именно здесь автор пытается глубже передать на бумаге всю остроту своих ощущений прибегает к гиперболе: «...сердце мое сжалось, как высушенная губка... Все понятия об ужасах киргизского плена, все повествования об истязаниях пленников, слышанные и читанные мною в продолжение жизни, слились в одну мысль – и эта мысль с неизъяснимою быстротою проникла все мое существо!». «Слышанные и читанные» суждения Крюкова о том, что враг, упорный в сопротивлении и взятый с оружием в руках, от казахов не ожидает никакой пощады, немного преувеличены. Действительно, яростно сопротивлявшихся убивали, потому что они угрожали жизни к самим нападавшим, это свидетельствуется и архивными источниками. Однако автор, в изложении действий казахов в отношении таких дает волю воображения своей фантазии, также основанной на слышанные и читанные предания: «Сии варвары обыкновенно извлекают из него жизнь медленными муками; отсекают член за членом, морт голодом и жаждою, жгут на огне, сдирают кожу с живого». Современный читатель, не просвещенный в истории принимает все «исторические» повествования без критики. Повторимся, ни в одном из сотни документах, с подробными показаниями освобожденных или бежавших из плена людей, не встречается ни один факт истязания их пленителями. Разумеется, их притесняли, обижали, хотя и об этом мало фактов. В конце концов, они были нужнее живыми и здоровыми, чем мертвыми. Услышанные Крюковым страшные рассказы не больше чем чистый вымысел. Они передавались из уста в уст и как обычно бывает при этом, с годами сильно преувеличивались. К примеру, русский офицер Гавердовский, попавший в плен в 1803 г. во время миссии в Бухару считавшимся самыми «хищными киргизами» в кочевьях казахов при Сырдарье умудрился собрать богатый материал по истории, географии, топонимике и т.д. среди пленивших его аулах и оставил весьма ценный труд. Разумеется, при постоянных «мучениях и истязаниях» он никак не мог бы спокойно разъезжать и собрать фольклорные данные, тем более написать.

Но все-же Крюков, в отличие от «слышанных и читанных» суждений, и от того же Севастьянова, увиденные своими глазами моменты передает точно, местами даже невольно восхищается ловкостью кочевников, признавшись, что «нельзя было без некоторого тайного удовольствия смотреть на сих ловких всадников, когда они на длинных и статных армагаках своих, пригнувшись к луке, легкой рысью переезжали широкое поле». В другом месте, по поводу полетевшего в овраг вместе с вставшим на дыбы конем казахского сарбаза и в ту же секунду спокойно вышедшего на том же коне, с оружием, он сравнивает их с пробочными куклами, которые всегда остаются на своих ногах.

Крюков красочно излагает и наступления казахов: «Но вот толпа Ордынцев вытянулась в длинный строй, еще минута – раздались дикие крики, поднялось облако пыли, дрогнула земля – и строй бросился на нас как стая бешеных собак...». Однако из-за ружейных залпов укрепившихся на краю обрыва казахов, нападения терпят неудачу. Автор описывает смелую попытку нескольких сарбазов, отделившихся от общей толпы и попытавшихся открыто напасть на их укрепленный обоз для вступления на ближний бой. По его словам, впереди всех ехал «видный юноша», гордо приподнимавшийся на седле, с длинным копьём в одной руке, а в другой – увесистой «ай-балтой». Один из казахов из длинного ружья целясь, попадает пулей в него, сарбаз тихо падает с лошади. Казаки с радостным криком за ноги тащат его к обозу. Крюков восхищается и обликом убитого джигита: «Убитый киргизец был молод, красив и дороден...». Однако следующие действия казахов далеки от подобной лирики. По словам автора, они «по старой привычке не замедлили ободрать его донага», увидев в нем признаки жизни «вероятнее по злобному чувству вражды поспешили добить несчастного собственной его секирою», то есть сняв всю одежду с умирающего (пуля прошла сквозь обе щеки), казаки зверски добивают его. Как видно, несмотря на всякие похвалы, они бравыми поступками особо не отличались.

Эти отрывки мы приводим к тому, чтобы показать несостоятельность многих сведений приводимых даже лицами, имевших непосредственное отношение к контактам на границе, не говоря уже о позднейших писателях как Короленко. Приведенные в рассказе Короленко сведения о привождении казаками пленников арканами по степи, даже вплоть до своих аулов, сплошная выдумка его информаторов. В огромных количествах показаний свидетелей и самих пленников такие факты нигде не подтверждаются. Тащить на аркане человека по открытой степи, тем самым выдавая себя всем караульным постам и маякам, на такое не осмеливались бы даже самые дерзкие наездники. На прилинейных жителей обычно неожиданно нападали из укромных мест, обезоруживали и связывали, затем на лошадях отправляли за линию. Иногда их связанных оставляли с караулом на определенном месте, а основная группа направлялась за следующей партией пленников. Бывали случаи, когда группа отдельных смельчаков захватывали людей в плен даже у самых стен Оренбурга. Освобожденный один из них позже вспоминал, что когда их связанных везли обратно, то были слышны голоса караулов [28, л. 49]. Эти случаи относятся к 1822-1824 гг., т.е. к пику противостояния на Илеке. Запрет на погоню за казаками был сразу же отменен и каждая их вылазка на линию, заканчивались погонями вслед за ними вооруженной команды.

Отмеченный автором Ауельбековым о «несимпатиях» к казакам татар-казаков, также требует некоторых объяснений. Скорее всего, здесь речь идет о мещеряках и тептярах, а также о башкирских казаках. Первые из них происходили из татар, с конца XVIII в. подобно башкирам образовали кантоны, несли казачью службу. Однако, вопреки хвалебным эпитетам Короленко, в боях они особой смелостью никогда не отличались. Множество русских авторов и архивные данные свидетельствуют о том, что казахи в военном деле тептяр, мещеряков, башкирских и даже оренбургских казаков, основу которых составляли далекие от военного искусства обычные крестьяне, всерьез не воспринимали. Казахи, хорошо разбиравшиеся в военных качествах своих оппонентов, всерьез опасались только яицких казаков – давних своих врагов, отличавшихся воинственностью, особой выносливостью к степным походам и хорошо знавших степь и ее традиций.

О невоинственных качествах казаков из татар «трепетавших и побледневших от ужаса» при виде казахских наездников, в вышеприведенном рассказе отмечает тот же Крюков. Если прибегнуть к аргументированным источникам, то в июне 1822 г. при отправке в казахскую степь ранее невиданной крупной военной экспедиции для карательных мер против восставших казахов в числе 2382 человек, из них 218 офицеров, при 8 орудиях под общим начальством полковника Берга, один его отряд ведомый полковником Милорадовичем, численностью 408 человек состоял из тептярских казаков при 42 офицерах. Этот отряд вышедший в начале июня из Илецкого городка почти сразу же после вступления на казахскую землю, у реки Шынгырлау был окружен 1 тысячным ополчением казахов во главе с самим Жоламаном. Казахские сарбазы, взявшие в плотное кольцо казачью команду, со всех сторон пускают огонь, не давая им хода, при этом убивают двух и захватывают в плен 24 тептярских казаков. Простояв без движения два дня, в конце концов, полковник Милорадович был вынужден отступить обратно в Илецкий городок [29, л. 86; 30; 31]. В истории Отечества, данный факт является единственным случаем, когда посланный для «усмирения» степи воинская команда, не выполнив поставленных целей, позорно возвращается обратно.

Уместно ли назвать набеги казахов на русские линии созданные на их земле и ограничившие им прежнюю свободу, беспричинными нашествиями. Какие реакции можно было ожидать от привольно кочевавших веками степняков, не утративших тогда еще и воинственностью, когда отнимали у них самое сокровенное – кочевья предков. Это была освободительная борьба против чужеземного вторжения и влияния, борьба за свою землю и интересы. Из истории известно, что сильные стороны всегда теснили и покоряли слабых. В новое время, вставшая на ноги Россия, разными путями покорила почти все территории с Кавказа до Дальнего Востока. Слабые и малочисленные стороны были не в состоянии объявлять открытую войну против империи, они вели свою борьбу.

И эта борьба сопровождалась тем самыми действиями, из-за которых по словам Ауельбекова, казаки ненавидели казахов. На самом деле все должно было быть наоборот. В отличие от Ауельбекова и некоторых вышеназванных писателей великий поэт Пушкин в своем рассказе об одном из походов по Кавказу, где участвовал и он сам, писал: ***«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои***

набеги...» [33, 490]. Он с приведением фактов, точно указал отношение покоряемых народов к покорителям, точнее об их ненависти. Действительно, за что их было любить, когда они незвано заезжали и уничтожали твои родные селения. Многие исследователи и чиновники защищали интересы империи, даже сам Пушкин далее в том же рассказе для «быстрейшего покорения и приобретения восточного края Черного моря» предлагает отрезать черкесов от отношений с Турцией и принудить их сблизиться с Россией и проповедать христианство. Он также указывает о постепенном упадке воинственного духа черкесов, о нападении их только на слабые отряды, о боязни от пушек и захватах пленников и др. В отношении казахов были те же самые высказывания.

В описании межнациональных отношений на границе опираться только на сведения и очерки царских авторов – чиновников, исследователей, тем более писателей было бы явно недостаточным, так как беспристрастность их в изложении событий вызвали бы некоторые сомнения. Безусловно, многие из них оценили бы освободительные движения казахов и нападки на их собственные границы с разных, преимущественно с колониальных позиций. Большинство письменных сведений относятся именно к таким описаниям, но веское слово имеют и архивные сведения. Однако среди царских чиновников встречались и те, которые происходившие события оценивали с собственных гражданских позиций. К примеру, один из них, офицер Генштаба России, выпускник Франкфуртского университета, генерал-лейтенант Бларамберг оставил замечательные записки о жизни и быте кочевников, подробные сведения об их родоплеменном делении, системе управления, о степени воинственности и др. Несмотря на свое призвание исполнять особо важные поручения по колонизации казахских степей, Бларамберг беспристрастно и точно передает и события происходивших на Илеке: **«...В прежние времена нередко случались, что русские отряды встречал с ног до головы вооруженный всадник и от имени целого народа спрашивал: по какому праву топчут их землю и какое имеют дело в их владениях. Конечно, снятая с передков пушка и штыки, тотчас переменяли тон переговоровщика, но все же он оставался при своем вопросе: что вам здесь надобно? И заключал им каждую речь...»**. Далее он описывает, каким трудам стоили казакам создание военной линии: **«...Ценою крови купили казаки обладание плодоносных берегов Илека; старинные владетели его, не раз, под предводительством своих батырей, собирались огромными толпами и дрались насмерть, желая расстаться с жизнью, нежели с кочевьем предков. Всевозможный вред наносили они новым поселениям. Гумны, запасы сена и иногда самые станицы пылали. Набеги Джуламана и до сих пор памятны Ново-Илецким казакам...»** [32, с. 95-96]. Генерал в отличие от Ауельбекова, вероятно по старым архивам, справедливо и точно характеризовал те самые события на Илеке, которых последний, в своей статье однозначно оценивает как «набегами и пленениями». связанные с пролеганием дорог, также описывается случай нападения

Таким образом, опираясь только на один литературный рассказ известного русского писателя Короленко, автор Ауельбеков приводит множество поверхностных суждений. Несомненно, вопросы отношений казахов с соседними народами является очень актуальной и много значимой темой, но прийти каким-либо выводам можно лишь при ознакомлении с неперенными источниками, в результате довольно длительного времени исследования. Автор, как видно из предыдущих его статей, углубленным изучением какой-либо исторической темы себя не утруждал, строил гипотезы на необоснованных фактах. И таким образом, его голословные суждения бросает тень на многие важные моменты нашей истории, на биографию наших ярких личностей. В целом, данная статья не совсем верно отражают исторические реалии прошлого и вызывают лишь спорные моменты.

Громкие рассуждения, о «нашествиях» казахов над всеми соседями, особенно над прилинейными вызывают неоднозначные реакции и кривотолки в обществе. Несомненно среди многих возникнут недоразумения, ведь казахи в своей истории терпели и военную, и крестьянскую колонизацию именно от российской стороны. Набеги и пленения людей, имевших место в определенный период истории по конкретным причинам, по последствиям не сравнимы со страшными бедствиями и потрясениями, выпавших на долю казахского народа от российской колонизации. Можно привести сотни аргументов, явно характеризующих последствия и военной, и крестьянской колонизации. По первому из них имеются конкретные факты о поголовных сожжениях целых аулов, с расстрелами всего населения вплоть до младенцев, надругательствами женщин. В годы крестьянской колонизации творились не менее

ужасные вещи. Имеются множество сведений, где переселенцы под предлогом потравы угодий, расстреливали встретившихся им по полю мирных степняков, гнавшись за ними как за дикими зверями. Встречаются и факты, где пьяные казаки ради забавы, стреляли по пойманым в степи безоружным казахам, предварительно ставя их вместо живых мишеней. Наверно нет ни одной казахской семьи, особенно тех приграничных районов, которые не испытывали на себе горести деяний так называемых «конных казаков». Автору этих строк, уроженцу тех самых мест, где происходили вышеназванные «нашествия и пленения» и последующие события, связанные с устройством Ново-Илецкой линии, и позже сотни переселенческих участков, не понаслышке известны множество случаев. Еще в детстве прабабушки рассказывали, как прятали девушек от этих незваных и вооруженных гостей, как безоружные джигиты скрипя зубами от безысходности не находили себе места... Однако это наша история, с множеством позитивными и негативными моментами и мы не намерены в противовес господину Ауельбекову самоотверженно приводить массу контраргументов и искать «угнетателей» или «угнетенных». Отношения с соседями особый раздел истории любого государства и смотреть на них только с одной стороны, безусловно приведет к однозначным рассуждениям и ненужным эмоциям. Отношения между русской оседлой культурой и необъятной степью имеют давние традиции и богаты на различные события, которые с точки зрения современности составляют только нашу общую историю.

Н.Ы. ЖЕТПИСБАЙ

Литература

- 1 Ауельбеков Б. О колонизации Казахстана и восстании Кенесары Касымова // Мысль. – 2012. – № 6-7. – С. 67-74, 62-67.
- 2 История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Алматы: Атамұра, 2000. – Т. 3. – 768 с.
- 3 Терентьев М. История завоевания Средней Азии. – СПб.: Типо-литогр. В.В. Комарова, 1906. – Том 1. – 510 с.
- 4 Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска / Сост. Ф. Стариков. – Оренбург: Оренбургский губернский стат. комитет, 1891. – 247 с.
- 5 Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). Ф. 6. Оп. 10, д. 8273.
- 6 ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10, д. 8320.
- 7 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсаких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 655 с.
- 8 Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: историческая монография. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1897. – Т. 1-3. – 974 с.
- 9 Материалы по истории Казахской ССР (1741-1751 – Алма-Ата: Изд. АН Каз ССР, 1948.). – Том 2. – Ч. 2. – 457 с.
- 10 Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. (Сборник документов и материалов). – Алма-Ата: Изд. АН Каз ССР, 1961. – Том 1. – 743 с.
- 11 Ерофеева И.В. Хан Абулхаир – полководец, правитель, политик. – Алматы: Санат, 2002. – 336 с.
- 12 Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. – Тверь: Типо-лит. Н.М. Родионова, 1902. – 524 с.
- 13 Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке. (Участие казахов в крестьянской войне под рук. Пугачева в 1773-1775 гг.). – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – 190 с.
- 14 Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797-1838). – Кзыл-Орда: Изд. общества изуч. Казахстана, 1926. – 298 с.
- 15 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1, д. 1856.
- 16 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1, д. 1272.
- 17 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1, д. 4696.
- 18 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1, д. 4700.
- 19 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1, д. 4698.

- 20 Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву 1839-1840 гг. – СПб.: Тип. товарищества «Обществ. польза», 1874. – 267 с.
- 21 О хивинских пленниках // Нива. – 1873. – № 30.
- 22 Севастьянов С.Н. Киргизский пленник // Гостиный двор. – 1995. – № 2. – Сетевая версия – Thietmar. – 2011.
- 23 Жизнь и деятельность бывшего Наказного Атамана Оренбургского казачьего войска генерал-майора Падурова / сост. С.Н. Севастьянов. – Оренбург: Оренбургское губернское правление, 1898. – 18 с.
- 24 Крюков А. Киргизский набег // Северные цветы на 1830 год. – СПб.: 1829. – Сетевая версия. – 2011.
- 25 Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828). – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1940. – Том 4. – 543 с.
- 26 ЦГА РК, Ф. 4. Оп. 1, д. 1294.
- 27 ЦГА РК, Ф. 4. Оп. 1, д. 1296.
- 28 ЦГА РК, Ф. 4. Оп. 1, д. 1326.
- 29 ЦГА РК, Ф. 4. Оп. 1, д. 1820.
- 30 Рос.Госуд. воен.-ист. архив (РГВИА), Ф. 846. Оп. 16, д. 769.
- 31 ГАОрО, Ф. 6. Оп. 10, д. 3232.
- 32 Военно-статистическое обозрение Российской империи / Сост. И. Бларамберг. – СПб.: Тип. Департамента Ген. Штаба, 1848. – Т. 14. – Ч. 3. – 119 с.
- 33 Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // А.С. Пушкин. Избранные произведения. – М.: Худ. литература. – 1968. – Т. 2. – 527 с.

* Выделения автора